

Сейчас Римма Михайловна и Даниил Александрович — вновь рядом. Они покоятся на кладбище поселка Комарово в Ленинградской области.

Майорова удивительным образом сочетала в себе несочетаемое. Она была яркой личностью, оставаясь при этом в тени славы своего прославленного супруга. Она была настолько внутренне интересна и привлекательна, что с ней общались и дружили многие женщины — знаменитости своего времени. Среди них, например, выдающаяся советская легкоатлетка, бегунья на короткие дистанции, четырехкратная чемпионка Европы Мария Леонтьевна Иткина.⁴⁹

Римма Михайловна не только умела брать на себя заботу о быте Даниила Александровича, его трудах, но и сопереживала всем трудностям, а порой и опасностям, которые сопровождали деятельность гордого писателя, не умевшего кланяться начальству. Она вместе с мужем глубоко погружалась в проблемы, возникавшие у Даниила Александровича в процессе его творчества.

Изучая роль Майоровой в деятельности Гранина, мы приходим к твердому убеждению: без ее участия и поддержки писатель никогда не достиг бы своих литературных высот.

⁴⁹ Письмо Иткиной Марии, спортсменки, Гранину Д. А. и Римме Михайловне, его жене // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-107. Оп. 3. Д. 191. Л. 1.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-240-251

© Я. В. Нагорная

СВЯТОЧНЫЕ ОБХОДЫ ДВОРОВ В ПОМОРЬЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИЙ ПУШКИНСКОГО ДОМА)*

Зимние Святки (период между Рождественским сочельником и кануном Крещения), как один из наиболее развитых обрядовых комплексов праздничного календаря поморов, не раз являлись предметом специального исследования.¹ Несмотря на длительную историю изучения, мы до сих пор не располагаем работами обобщающего характера, в которых сравнивались бы календарные праздничные комплексы различных регионов Поморья.

Данная статья является попыткой отчасти восполнить этот пробел и проанализировать традицию святочных обходов домов на Зимнем и Летнем берегах Белого моря на основе полевых данных, собранных участниками фольклорно-археографических экспедиций ИРЛИ РАН в Поморье в период с 1970-х² до 2019 года.³

* Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 17-78-20194 «Фольклор Белого моря в современных записях: исследования и тексты».

¹ Бернштам Т. А. Народная культура Поморья. М., 2009; Конкка А. П. Календарные обряды карел XIX — начала XX в. // Финно-угры и соседи. Проблемы межэтнических контактов на территории Балтийского и Баренц-регионов. СПб., 2002. С. 218–249; Ковыришина Ю. И. Материалы по календарной традиции Карельского берега Белого моря // Праздничные традиции и новации народов Карелии и сопредельных территорий: исследования, источники, историография. Петрозаводск, 2010. С. 154–200; Самойлова Е. Практики «дарообмена» в ритуальной культуре поморской деревни нач. XX — нач. XXI вв. // Материалы VI научной конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера «Рябининские чтения 2011». Петрозаводск, 2011. С. 160–163.

² В экспедициях 1975–1976 годов на Зимний, Летний и Онежский берега Белого моря принимали участие сотрудники ИРЛИ РАН П. С. Выходцев, В. В. Коргузалов, М. А. Лобанов, А. Н. Мартынова, Г. В. Матвеев, В. А. Смирнов, А. Д. Троицкая, Н. И. Хомчук.

³ В состав экспедиций на Терский, Зимний и Летний берега Белого моря входили Д. В. Агафонова, А. Ю. Балакин, А. Б. Бильдюг, А. И. Васкул, М. Н. Власова, Н. Г. Комелина, Г. Н. Мех-

Повсеместно в интересующих нас регионах обходы домов во время Святков были представлены христославлениями, обходом колядовщиков и походами ряженных, различающимися по составу участников, производимым ими действиям и целям визита. Половозрастной состав группы мог варьироваться: только девочки (девушки) или только мальчики (юноши), намного реже — смешанные группы, при этом в каждую группу собирались по возрасту: дети, подростки, молодежь.

В рамках суточного времени можно выделить утренние обходы, в них участвовали дети или подростки, и ночные (вечерние), в которых были задействованы преимущественно взрослые исполнители. По вечерам дома могли посещать ряженные, чье появление в дневных обрядах обходах запрещалось.

Христославления. Вплоть до середины 1930-х годов утром Рождества, по другим рассказам — накануне, дети, в основном школьники, объединившись в группы по трое или пятеро — на Зимнем, до десяти человек — на Летнем берегу, бегали по домам «славить».

Обычно славильщики стучались в дом, спрашивая разрешения зайти внутрь, говорили: «Хозяин и хозяйка, с Рождеством Христовым! Разрешите Христа прославить» или «Благословите Христа прославить». Если хозяева разрешали, то ватага ребятшек⁴ проходила в дом, чтобы исполнить христославие — песнопение, повествующее о сущности праздника Рождества, в основе которого лежит тропарь «Рождество Твое, Христе Боже наш», бытовавший в народной среде с небольшими изменениями. Кондак Рождества Христова «Дева днесь Пресущественного рождает...», судя по нашим записям, исполнялся гораздо реже. Оба произведения могли объединяться в одно и заканчиваться словами «С праздником!».⁵ В среде поморов текст тропаря до сих пор хорошо сохранился еще и потому, что включен в молитвенники, которые есть теперь почти в каждом доме.

В обряд христославления на обоих берегах включались также песни с духовным содержанием, канты, стихи-рацеи, на что уже указывали Т. А. Бернштам и В. А. Лапин.⁶ В ходе экспедиции ИРЛИ 1976 года на Летний берег Белого моря, помимо тропаря и кондака, были зафиксированы канты на тему рождества Иисуса Христа («Радость сердце наполняет», «Христос рождается, славите»)⁷. Традиция исполнения «рождественских стихов» во время святочного обхода дворов была зафиксирована и в других районах Архангельской области.

В 1940–1950-х годах школьникам строго запрещалось присутствовать на любых религиозных празднествах. В отличие от Терского, на Летнем и Зимнем берегах этот запрет действовал сильнее, провинившихся учеников могли серьезно наказать. Поскольку в силу идеологических причин дети перестали участвовать в обряде христославления, на Зимнем берегу вместо них по домам стали ходить старушки.⁸ На Летнем берегу подобная замена не фиксировалась.

нецова, Я. В. Нагорная, С. В. Подрезова, А. Радеке, А. И. Функ и др. В статье использованы материалы собирателей Д. В. Агафоновой, А. Ю. Балакина, А. И. Васкул, Н. Г. Комелиной, Г. Н. Мехнецовой, Я. В. Нагорной и С. В. Подрезовой.

⁴ В. М. Субботин, уроженец д. Зимняя Золотица, отмечал, что колядки пели маленькие дети, которые еще не ходили в школу, а христославление — ребята побольше, объясняя это тем, что у христославления текст большой, а колядки маленькие и, соответственно, легкие для запоминания.

⁵ Подобные тексты в большом количестве записывали участники экспедиции ИРЛИ в Приморский р-н Архангельской обл. летом 1976 года, см., например: ИРЛИ. Р. V. Колл. 266. П. 8. № 46.

⁶ Бернштам Т. А., Лапин В. А. Винограде — песня и обряд / Бернштам Т. А. Народная культура Поморья. С. 248.

⁷ ИРЛИ. Р. V. Колл. 266. П. 8. № 43, 46.

⁸ В литературе описаны подобные случаи на материале Пинежского района и других областей России, см., например: Розов А. Н. Русское рождественское христославление (материалы и исследования) // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб., 1999. Т. 30. С. 50; Добровольская В. Е. Святочные обходы дворов в Судогодском районе Владимирской области. См.: <https://www.culture.ru/objects/2402/svyatochnie-obhodi-dvorov-v-sudogodskom-rayone-vladimirskoy-oblasti>; дата обращения: 25.12.2020. Имеющихся у нас сведений об участии взрослых и стариков в зимних обходах дворов недостаточно для того, чтобы подтвердить наблюдение Бернштам о том, что в исполнении обряда святочных обходов участвовали все половозрастные группы селения, от детей до стариков (Бернштам Т. А. Народная культура Поморья. С. 163).

В д. Верхняя Зимняя Золотица нами был записан рассказ Марии Георгиевны Поповой о своей родственнице Анне Дмитриевне, которая ходила по домам славить Христа и пропевала длинную песню на Евангельский сюжет про избивание Вифлеемских младенцев: «„Пречистая Дева Мария Спасителя нам родила“. Это очень длинный, она приходила, ее ждали в каждом доме, и вот она этот стих пела. Там как младенцев этих убивали за Христа. Вот в том смысле. „Одиннадцать тысяч младенцев избивенных, но не могли добраться до Христа“. Но там так прямо не помню больше ничего, отдельные слова, а помню, как она пела. Это еще в детстве было».⁹ Можно предположить, что речь идет о духовном стихе «О Христовом рождении» («Мати Дева Пречистая Христа Бога породила...»), известном по записям из различных регионов страны.¹⁰

Два произведения на этот сюжет были зафиксированы в Карельском поморье летом 1909 года А. В. Марковым и один в 1911-м И. М. Дуровым. Запись 1911 года, сделанная от двух девочек из д. Гридино, имела концовку:

Мы вам рацею читали,
Христа проздравляли.
Вам, хозяйин, хозяйюшка, с праздником проздравляем.¹¹

Духовный стих, исполненный каликой А. Г. Поповым из д. Бабино в 1909 году, заканчивается приказом Ирода-царя убить четырнадцать тысяч младенцев, за этим следует фраза из христославия: «Мы славим тебя, Христе Боже наш».¹²

Приведенные примеры дают основание предполагать, что духовный стих «Мати Дева Пречистая Христа Бога породила...» мог входить в репертуар христославов из разных регионов Поморья.

В д. Уна на Летнем берегу маленькие дети вместо трудных для запоминания песен-слав исполняли «Вьюника» («Унчика»), рождественскую песенку, бытовавшую в России почти повсеместно, в том числе в Архангельской области и на Карельском берегу. Песня возникла в среде польских школяров¹³ и попала в Россию через Белоруссию и Украину (см.: Приложение. № 1). Ознакомившись с публикациями современных краеведов,¹⁴ местные жители стали связывать появление образа Унчика (Юльчика) на русской почве с влиянием скандинавского фольклора.

В рассматриваемом регионе было широко распространено христославление с элементами колядования. Тексты обоих жанров могли исполняться либо в контаминации, либо следовать друг за другом. Евдокию Ефимовну Агееву из д. Яреньга ребята, собиравшиеся славить Христа, брали с собой, потому что она знала «стишок» «Не мороз, не морозь, хоть козульку брось...», выученный вместе с бабушкой и отцом.

В экспедиционных записях, сделанных на Летнем берегу, встречалась также лаконичная рождественская песенка, сходная с колядкой на уровне отдельных формул и мотивов, получившая распространение во второй половине XIX века,¹⁵ начинавшаяся со славления, за которым следовала просьба о вознаграждении: «Славите, славите, вы меня не знаете...» (см.: Приложение. № 2).

⁹ Архив экспедиции ИРЛИ на Зимний берег Белого моря в 2010 году. Записано от М. Г. Поповой, д. Зимняя Золотица. Здесь и далее курсив в цитатах наш. — Я. Н.

¹⁰ Варианты: *Варенцов В. Г.* Сборник русских духовных стихов. СПб., 1860. С. 45–46; Русские народные песни, собранные П. Киреевским. М., 1848. Ч. 1. Русские народные стихи. № 15; Смоленский этнографический сборник / Сост. В. Н. Добровольский. М., 1903. Ч. 4. С. 677; Духовные стихи / Сообщил Яков Ильинский // Живая старина. 1898. Вып. 3 и 4. Отд. 4. С. 485; *Сперанский М. Н.* Духовные стихи из Курской губернии // Этнографическое обозрение. 1901. № 3, 9, и др.

¹¹ Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова / Подг. изд. С. Н. Азбелева, Ю. И. Марченко. СПб., 2002. № 288.

¹² Там же. № 317.

¹³ Подробнее см.: *Костюхин Е. А.* Христианские мотивы в восточнославянском детском фольклоре // Антропология религиозности. СПб., 1998. С. 147–171.

¹⁴ См., например: Секреты поморского Рождества // Северный рабочий. 2011. № 2 (<http://nworker.ru/2019/01/11/20930.html>); дата обращения: 12.12.2020).

¹⁵ *Розов А. Н.* Русское рождественское христославление. С. 48.

Вывод С. И. Дмитриевой о том, что на Русском Севере новогодние колядки заменились разными песнями, преимущественно свадебными,¹⁶ нашими записями не подтверждается.

В деревнях Яреньга (Летний берег), Зимняя Золотица и Майда (Зимний берег) были записаны варианты песни «Снеги на землю падали, перепадывали» (см.: Приложение. № 3–5), имеющие разную концовку, № 3 и № 5 исполнялись как колядка, № 4 — как славление.¹⁷ Варианты текста известны на Русском Севере со второй половины XIX века, и, по мнению А. Н. Розова, он появился в старообрядческой среде. В Поморье в начале XX века это песнопение в контаминации с колядкой было зафиксировано И. М. Дуровым в с. Сумпосад на Карельском берегу.¹⁸ Варианты песни есть среди материалов, собранных Н. И. Хомчук и В. В. Коргузаловым в 1976 году. Жительница д. Нижняя Зимняя Золотица¹⁹ Е. Д. Голубина в 2001 году исполнила песню «Снеги на землю падали, перепадывали» участникам экспедиции Поморского государственного университета.

Собранные нами описания того, как жители Летнего и Зимнего берегов готовились к славлению, весьма скудны и практически идентичны. Как правило, подготовка начиналась задолго до самого праздника и заключалась в изготовлении рождественской звезды, при необходимости — ее ремонте, а также разучивании текстов. Дети репетировали христославия дома в семье с родителями или старшими родственниками, которые заботились о том, чтобы дети пели правильно. Анну Афанасьевну Пахолову из д. Зимняя Золотица славить Христа учили дедушка и бабушка: «Бывало на Рождество дедушка, сидишь на печке, холодно, на печке сидишь, дедушка: славьте Рождество. Вот и учат, если неправильно, опять поправляет, бабушка, правда».²⁰ Подобная традиция существовала и в соседних с Архангельском деревнях, «христославные песни разучивали вместе с родителями, старшими братьями и сестрами и к празднику их хорошо запоминали».²¹

Обычно христославы носили с собой простой, неукрашенный крест, сделанный из тонких палок, скрепленных друг с другом. В Нижней Зимней Золотице юноши ходили со звездой на длинном шесте. К решетку или другому круглому предмету прибывались «лучики» — треугольнички из реек. Девушки ходили по домам отдельно от парней и звезду, как правило, не носили. Все славильщики обязательно брали с собой мешок или корзиночку для угощения, которое подавали хозяева дома.

Благодарили за христославление чаще всего пряниками-козулями («козулька, четыре ножки, две рожки»), которые пеклись в большом количестве специально к Рождеству, и другими изделиями из теста, маленькими пирожками, шаньгами,²² на Зимнем берегу — преимущественно калачами. Современные поморы уже не связывают этот обычай с характерным для русских (и шире — для славян) поверьем²³ о том, что обилие даров сулит благополучие жителям дома, но на уровне поведения эта традиция сохраняется до сих пор. Колядовщикам и христославам на Летнем берегу подают печенье и конфеты, которые покупают для этого случая.

¹⁶ Дмитриева С. И. Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. М., 1988. С. 16.

¹⁷ См.: Розов А. Н. Русское рождественское христославление. С. 51.

¹⁸ Духовные стихи Русского Севера / Сост. В. П. Кузнецова, сост. нот. прил. Г. В. Лобкова, М. Н. Шейченко. Петрозаводск, 2015. С. 137.

¹⁹ Дранникова Н. В. Фольклорная экспедиция Поморского университета в село Зимняя Золотица // Комплексное собрание, систематика, экспериментальная текстология: Материалы V Междунар. школы молодого фольклориста (6–8 июня 2001 г.). Архангельск, 2002. С. 83–92.

²⁰ Архив экспедиции ИРЛИ на Зимний берег Белого моря в 2010 году.

²¹ Цит. по: Розов А. Н. Русское рождественское христославление. С. 45.

²² Помимо козуль на Русском Севере существовал еще один вид обрядового печенья — шаньги, круглые, среднего размера пироги, которые пекли во время многих праздников, в том числе на Новый год. См.: Дмитриева С. И. Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. С. 20.

²³ Подробнее см.: Виноградова Л. Н. Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. Генезис и типология колядования. М., 1982. С. 136–149.

Полученные пряники, как правило, сразу не ели, хранили в красном углу рядом с иконами, через год их отдавали детям или скармливали скотине, чтобы животные не болели. Вообще ритуальную выпечку сами хозяева никогда не ели, она предназначалась исключительно для одаривания.

Детство большинства наших собеседников пришлось на голодные военные и послевоенные годы, в этот период угощение для детей стало более чем скромным, вплоть до сухарей, но козули считались непременным атрибутом Рождества. Они пеклись из ржаной муки, потом обливались кипятком для того, чтобы пряник был гладким, и могли быть разной формы, но большинство наших собеседников говорили, что пряники пеклись в форме оленей. Традиция печь оленей для мальчиков и тетерок (птичек) для девочек, как это принято в деревнях на Терском берегу, на Зимнем и Летнем берегах исследователями не отмечена.

Анна Афанасьевна Пахолова из д. Нижняя Зимняя Золотица рассказывала, что козули изготавливались еще и в форме человечков, всадников на оленьей упряжке.²⁴ Галина Андреевна Карельская из д. Летняя Золотица вспоминала, что ее бабушка, родом из карел, пекла на Рождество козули самой разной формы: «Конь, потом сани с оглоблями, сани, еще карета, и в карете сидит дедушка. И вот такие она нам посыла-ла из Пушлахты. Ой, до чего красивые, целый мешочек, вот она отправит, мы расстав-ляем: конь там был и верблюду, как будто формы, вот она такие делала козули краси-вые, а мы не умеем».²⁵

По мере забвения традиции славильщики стали посещать исключительно дворы родных и близких друзей, т. е. дома, где их гарантированно ждут и подадут угощение. Судя по рассказам наших собеседников, в д. Летняя Золотица в конце 1930-х — нача-ле 1940-х годов дети ходили «славить» только к родным, и весь обряд заключался лишь в том, что славильщики и хозяева поздравляли друг друга с праздником, за-тем обменивались козулями, как крашеными яйцами на Пасху. Традиция особого одаривания родственников существовала в различных регионах Русского Севера. С. И. Дмитриева писала, что в деревнях Холмогорского и Мезенского районов сла-вильщикам подавали в основном сушки и калачи, «реже — козули, предназначавши-еся обычно для родственников».²⁶ На Карельском берегу Белого моря родственникам давали большее, по сравнению с другими, количество денег или угощения. Практика взаимного обмена козулями в других регионах исследователями не отмечена.

Походы ряженных. «Панья». Наиболее явные различия в святочных традициях Зимнего и Летнего берегов мы находим в описаниях походов ряженных. Общераспро-страненным было деление святочных вечеров на «святые» и «страшные», наступаю-щие перед Крещением. Соответственно времени прихода ряженных разделяли на «чистых» и «нечистых», для последних было несколько обозначений: «шулюкуны», «чуликуны», «шуликины», «шуликены» (Зимний берег), «шуликины» и «страш-ные» (Летний). Особого именованья для «чистых» ряженных на Зимнем берегу не сохранилось, до нас дошло более позднее — «маскерованные». В деревнях Летнего берега их до сих пор зовут «паньюшками» («пайнушками»), в этой местности суще-ствовал еще один термин «наряжонные», обозначавший ряженных в «старушек», «де-вушек» или медведя.

В «святые» вечера на Летнем берегу от дома к дому ходили «паньюшки» — девуш-ки или женщины, одетые в красивые полушубки, сарафаны или штофные юбки. В де-ревнях Лопшеньга, Нёнокса, Сюзьма и Летний Наволок во время походов ряженные «паньюшками» исполняли хороводную песню с балладным сюжетом «Панья» (см.: Приложение. № 6), собиратели отмечали, что эту же песню могли петь и на святочных вечорках от Введения до Крещения.

Песня известна только по записям, сделанным в этих деревнях, за пределами Лет-него берега не встречается. Исполняемые варианты отличаются по напеву и текстам:

²⁴ Архив экспедиции ИРЛИ на Зимний берег Белого моря в 2010 году.

²⁵ Архив экспедиции ИРЛИ на Летний берег Белого моря в 2019 году.

²⁶ Дмитриева С. И. Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. С. 19.

в ненюкшанском варианте «мрачная по распеву, зловеющая баллада, здесь <в Лопшеньге. — Я. Н.> протяжная безмятежная».²⁷

Впервые баллада «Панья» была записана О. Э. Озаровской от хора солеваров в посаде Нёнокса на Летнем берегу Белого моря в 1915 году и была опубликована в книге «Пятиречье». Д. М. Балашов считал, что эта баллада польского происхождения близка по сюжету к балладе «Гибель пана» и восходит к началу XVII века. Поморы переняли ее от поляков, которые во время Смутного времени осели в д. Нёнокса²⁸ и впоследствии смешались с местным населением.²⁹

Никто из наших собеседников 1930–1950-х годов рождения исполнения этой песни уже не застал. До нашего времени дошли только отрывочные воспоминания о том, что для «хождения паньей» в прежние времена использовали приданое матерей и бабушек, ни в каких других случаях эту одежду не надевали, берегли именно для Святков. В Лопшеньге «паньюшек» могло быть несколько, но это всегда были девушки, в описаниях наряда всячески подчеркивалась его красота и пышность юбок у сарафанов. В Летнем Наволоке «паньями» рядились девушки, женщины и мужчины:

«— В Новый год по деревне идут да поют, наряжены-то идут и поют. Наперед хороши, в хороши наряды наряжались. Это уже сарафаны длинные такие... красиво наряжались».

В. В. Коргузалов: А панья была мужчина или женщина?

— А все наряжались, и мужчины, и женщины. Мужчины в женско одевались, а женщины в мусько одевались».³⁰

Образ «паньи» встречается в хороводных песнях, описаниях святочных походов ряженных, загадках и поговорках далеко за пределами изучаемого региона. В. И. Чичеров, анализируя сборник В. Магницкого «Песни крестьян села Беловолжского, Чебоксарского уезда, Казанской губернии»,³¹ замечал, что песня «Ехал пан, ехал пан — пан сронил шляпу, панья отказывается поднять», называемая святочной, опубликована в том же сборнике как хороводная.³² В шестой и седьмой тома «Великорусских народных песен» А. И. Соболевского включены несколько хороводных про панью из Пермской губернии, например «Панушко по двору гуляет»³³ и «У пана, у пана, у панских ворот, ту четыре паньи пляшут, возыгрывают...».³⁴

В книге «Народная культура Поморья» Т. А. Бернштам подробно описан обычай «водить барина», существовавший в селе Нижмозеро на Онежском берегу. «„Барин“ одевался в военный мундир Петровской эпохи, а его спутник — „панья“ — в одежду невесты; их свиту составляли соответствующие для названных представлений действующие лица. Ряженные ходили по вечеринкам под песни...».³⁵

В. А. Альбинский, К. А. Шумов, изучавшие святочную обрядность в Камско-Вишерском междуречье, привели описание трех святочных действий с участием этого персонажа. Во время святочных посиделок «паньи» одевались так, чтобы юбка у сарафана

²⁷ ИРЛИ. Р. V. Колл. 266. П. 8. № 47. Л. 1 (запись Н. И. Хомчук).

²⁸ Свидетельством существования поселения поляков на Летнем берегу являются разрушенная в 1942 году Церковь Св. Климента папы Римского (XVI век) и окружавшее ее кладбище, на котором О. Э. Озаровская видела могильные плиты с «латинскими надписями» (*Озаровская О. Э. Пятиречье*. Л., 1931. С. 17).

²⁹ Подробнее см.: Народные баллады / Вступ. статья, подг. текста и прим. Д. М. Балашова; общ. ред. А. М. Астаховой. М.; Л., 1963. С. 388.

³⁰ ИРЛИ. Р. V. Колл. 266. П. 8. № 21. Л. 2 (А. П. Репина, д. Летний Наволок; запись Н. И. Хомчук, В. В. Коргузалова, П. С. Выходцева, В. А. Смирнова).

³¹ *Магницкий В.* Песни крестьян села Беловолжского, Чебоксарского уезда, Казанской губернии. Казань, 1877.

³² *Чичеров В. И.* Зимний период русского земледельческого календаря XVI–XIX веков (Очерки по истории народных верований). М., 1957. С. 173.

³³ Великорусские народные песни / Изд. проф. А. И. Соболевским. СПб., 1902. Т. VI. С. 288–289.

³⁴ Там же. Т. VII. С. 83–84 (2-й паг.).

³⁵ Цит. по: *Бернштам Т. А.* Народная культура Поморья. С. 167.

была как можно пышнее, плясали под гармошку или песни. Эти же «паньи» могли наряжаться и старухами, подкладывая под одежду большую «грудь».³⁶

Анализ святочного персонажа «панья» в русской традиции заслуживает отдельного исследования, в рамках данной статьи ограничимся лишь несколькими замечаниями общего характера. Было бы логично связать образ красивой нарядной «паньи» с поморскими куклами-«панками»,³⁷ тем более что Лопшеньга вплоть до начала XX века была одним из крупнейших центров изготовления этих игрушек. Лопшеньгские «панки» отличались от изделий других деревень большей детализацией черт лица и элементов одежды, с точки зрения современного человека, большей красотой кукол. Исследователи единодушны в том, что северные куклы-«панки» генетически связаны с «панами»³⁸ и «стоят в одном ряду с образами почитаемых предков».³⁹

На основе имеющихся сведений напрямую соотнести «панов», кукол-«панок»⁴⁰ и святочный персонаж не представляется возможным. Записи походов ряженых на Летнем берегу, сделанные в XIX — начале XX века, до нас не дошли, по материалам 1970-х годов, относящимся к периоду затухания традиции, суть «хождения паньей» заключалась лишь в том, чтобы нарядиться в красивые старинные наряды и пройти по деревне, пропевая одноименную песню. Для решения этого сложного вопроса необходимо привлечение этнолингвистических сведений о происхождении названия деревянных игрушек и самого слова «панья».

Даже если предположить, что на каком-то этапе развития обрядности образы были связаны, это никак не объясняет появление святочной «паньи» в других регионах, где куклы-«панки» и предания о «панах» не зафиксированы. Слово «панья» распространено во многих русских диалектах.

В «Словаре русских народных говоров» к словам «панья» и «паньюшка» приведены следующие значения: «Панья. 1. Госпожа, замужняя женщина. 2. Девушка, девочка. 3. Полная, представительная женщина. 4. Кукла.

Паньюшка. Девушка, барышня».⁴¹

В языке поморов слово также было многозначным: «Панья. 1. Барыня, жена пана. 2. Расфуфырившаяся, разодевшаяся в широкие растрюбистые и длинные одежды».⁴²

Опираясь на эти словарные толкования, святочный персонаж «паньюшка» можно интерпретировать и как носителя идеи социальной инверсии (представителя иного, высшего сословия: барыня, жена пана), и как красивую, наряженную в широкие юбки или сарафаны женщину.⁴³

³⁶ Альбинский В. А., Шумов К. Э. Святочные игры Камско-Вишерского междуречья // Русский фольклор. Л., 1991. Т. 26. Проблемы текстологии фольклора. С. 180.

³⁷ «„Панки“ — объемные, схематично выполненные из цельного куска дерева человеческие фигурки, напоминающие круглый или огранный столбик, баясину с шарообразной головой и плоским лицом» (Бабаянц Г. Н. Поморские куклы-«панки» // Этнография народов Восточной Европы. Л., 1977. С. 105).

³⁸ «Паны, пань, панки в фольклоре — разбойники; иноземцы-грабители; помещики; предки-первонасельники; мифические великаны; курганы (см.: Власова М. Н. Энциклопедия русских суеверий. СПб., 2008. С. 358–387). Среди материалов экспедиций ИРЛИ на Летний берег Белого моря преданий и быличек о панах и панских курганах нет.

³⁹ См.: Криничная Н. А. Историко-этнографическая основа преданий о «панах» // Советская этнография. 1980. № 1. С. 117–124.

⁴⁰ На Терском берегу словом «панья» обозначали любую деревянную куклу, см.: Словарь русских народных говоров Карелии и сопредельных территорий / Ред. А. С. Герд. СПб., 1999. Вып. 4. С. 391.

⁴¹ Словарь русских народных говоров / Ред. Ф. П. Сороколетов. Л., 1990. Вып. 25. С. 202.

⁴² Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск, 2011. С. 287. В дополнение к первому значению заметим, что в описанной Т. А. Бернштам игре «водить барина» панья выступает парой, невестой барина; в Нёноксе «пан» и «панья» ходят по деревне вместе.

⁴³ Ср. описание обычая, существовавшего в Лоухском районе Республики Карелия: «Ходили толсты таки и песни пели, вот говорят, оделась как панья толста» (Словарь русских народных говоров Карелии и сопредельных территорий. С. 391).

В XVII веке, после появления на Летнем берегу поляков, принесших с собой элементы своей традиционной культуры, в народном сознании баллада «Панья» объединилась с одноименным святочным образом и прочно связалась с календарной обрядностью. Традиция изображения представителей соседних народов известна в различных регионах страны: на Карельском берегу ряздильсь в «цыган», на Зимнем берегу надевали ненецкие малицы, в других регионах Русского Севера одевались в «лопарей». Поскольку мы не располагаем развернутыми описаниями слов и действий, совершаемых «паньей», не знаем, был ли изначально элемент пародирования речи или поведения полячек, то отнести ее к группе ряженных, называемой «инородцы», невозможно.

Сейчас, в XXI веке, «хождение паньюшками» в д. Лопшеньга, Пушлахта, Летняя Золотица объединяет в себе походы ряженных, христославов и колядовщиков: девочки-школьницы обходят дворы односельчан с «колядками», песенками, разученными из печатных источников. Как правило, участники специально наряжаются: накидывают платки на голову, мажут губы и щеки яркой косметикой, повязывают длинные фартуки, кто-то из ряженных берет в руку «Рождественскую звезду». В Летней Золотице «паньюшки» надевают сарафаны и платки, а лица закрывают масками.⁴⁴

В завершение обзора системы персонажей ряженья на Летнем берегу отметим и другие образы «чистых» ряженных: «старушки-нищенки», «старик со старухой», «медведи» (атрибутом выступал тулуп, вывернутый наизнанку) и «девушки». Поскольку наши собеседники были только наблюдателями и сами в «медведя» и «старушек» не ряздильсь, их воспоминания о святочных персонажах весьма отрывочны. «Девушки» небольшими группами ходили по домам и за исполнение песен получали вознаграждение, позднее этот образ слился с «паньюшками».

На Зимнем берегу в «святые» вечера с шести до десяти часов ряженные сначала водили хороводы по улице, а потом заходили в дома, где живут молодые девушки,⁴⁵ и если хозяйка их пускали, то устраивали «свадьбу». «Молодых» жениха и невесту (либо одного пола, либо невеста — мужчина, а жених — женщина) венчал «поп». Приходили также «ненцы» в национальной одежде, «специалисты»: кузнецы (мужчины с молотами) и ряженные, изображавшие поморов во время зверобойного промысла (маскированные приносили с собой лодки, сети, надевали на себя соответствующую одежду). Сохранились немногочисленные рассказы о приходах «прых» (женщин с прядками).⁴⁶ Наряжались также «девушками», юноши надевали красивые платья и платки из бабушкиного сундука или одежду старших сестер. «Девушки» заходили в избу и весело плясали, но вели себя так, чтобы хозяйка не могла узнать визитеров:

«— Бывало мы как раз Святки-то в Верхней, к ним были в колхозе... не знаю, что мы делали, так вот, жили там. Там так о-о-о-о сколько народу. То со свадьбой придут,

⁴⁴ В домашнем архиве Галины Андреевны Карельской из д. Летняя Золотица хранится фотография «паньюшек», на которой женщины деревни сфотографированы в масках Деда Мороза, Санта Клауса и Микки-Мауса.

⁴⁵ Э. Г. Бородина-Морозова, которая жила в д. Нижняя Зимняя Золотица во время Великой Отечественной войны, писала о Святках 1945 года в полевом дневнике: «После „обрядни“, когда накормят на ночь скотину, подоят коров, наколют дров и вообще, шуликины собираются по три-четыре человек и ходят „на огонек“. В старину, когда ходили маскированными „настоящие люди“, они ходили преимущественно к девкам, а теперь в те дома, где пускают. <...> В избе много гостей, кто пришел с вязаньем, кто и так. Через каждые пятнадцать-двадцать минут кто-нибудь вваливается в избу. Вначале ребятишки-парнички напяливают на себя современное праздничное платье матери, окутывают голову платком, лицо завешивают другим платком. Большинство сжимают платок у лица в кулак и глядят на нас в эту щелку, но мы их лица не видели. Парни пляшут впрысядку, по их адресу отпускают шутки, они отмалчиваются, чтобы не узнали» (ИРЛИ. Р. V. Колл. 146. Архив Э. Г. Бородиной-Морозовой в настоящий момент проходит научно-техническую обработку).

⁴⁶ Упоминание прях как персонажей ряжения нам встретилось только на Зимнем берегу. Строгий запрет на прядение в Святки известен у многих славянских народов. По поверьям, распространенным в Архангельской и Тобольской областях, а также у карел, прядущих могли преследовать нечистые духи «шуликуны». См.: Власова М. Н. Энциклопедия русских суеверий. С. 563; Конкка А. П. Календарные обряды карел XIX — начала XX в. С. 244.

с гармошкой, то придут — кузница. Углей возьмут, натопчут — мойте пол. А пол-то тогда некрашенный, шоркали, так.⁴⁷

— А как это — приходили свадьбой на Рождество?

— Не знаю, и жених, и невеста, и поп, и венчают все, и поют... И с прялками ходили пряли, и...

— А невеста-то — женщина или мужчина?

— Женщина, а и мужики наряжаются.

— Прямо в свадебный наряд одевались? С повязкой?

— Да, с повязкой. Теперь уж ни повязок нигде нет... <...>

— А вот свадьба, которая шутейная на Рождество, отличалась от обычной свадьбы, или они все повторяли, как обычная бывает?

— Да повторяли они и так и не так, по-разному. Шутили...⁴⁸

Обращает на себя внимание различие в речевом поведении ряженных на Зимнем и Летнем берегах. На Зимнем берегу основное стремление «маскированных» — остаться неузнанными, для этого молодежь и взрослые, «чистые» и «нечистые» персонажи закрывали лицо платком, марлей или отрезом ткани, во время своего прихода не издавали никаких звуков. Информанты объясняли ритуальное молчание ряженных желанием сохранить тайну своего появления. По словам местных жителей, на Летнем берегу лицо закрывали намного реже, но проговаривали слова и пели песни значительно чаще, чем на Зимнем, даже «шуликуны» не оставались бессловесными, они произносили («мололи») невнятные речи.

В рассказах наших собеседников представления о ритуальном обходе домов ряженными смыкаются с воспоминаниями о походах ряженных во время святочных посиделок.⁴⁹ Ряженные заходили в дома, где устраивались посиделки для девушек: «Девушки сидели за столами, в такие дни, праздничные. В Рождество и Крещение просто сидели и так, сидели за столом, в карты играли. Приходили с музыкой, с гармонью, плясали все вместе в больших комнатах, а в такие рабочие дни, в Святки, когда маскированные ходили, то там девушки сидели, что-нибудь там рукодельничали. Вышивали, вязали кружево, все такое. За столами».⁵⁰

На брачную, «свадебную направленность» святочных игрищ указывали многие исследователи,⁵¹ Святки в Поморье являлись вторым, после весенне-летних гуляний, периодом общественных смотрин невесты, здесь происходило обрядовое «посвящение» молодежи брачного возраста в «женихи» и «невесты».

К числу шуточных свадебных обрядов С. И. Дмитриева относит обычай молодежи «припевать» невест женихам с помощью «Виноградий»⁵² (песен с припевом «виноградье красно-зеленое»), Т. А. Бернштам и Л. Н. Виноградова считают обходы дворов с исполнением «Виноградий» дифференцированным типом колядования, отличительной чертой которого является опевание всех членов семьи. Различали «Виноградье» «холостое», «семейное», «девье», «парню», «бездетное» и др.⁵³ Обычай исполнять «Виноградья» во время Святки не фиксировался в Поморье уже со второй

⁴⁷ Обычай проказ именно ряженными, как на Карельском берегу Белого моря (см.: *Ковырши на Ю. И.* Материалы по календарной традиции Карельского берега Белого моря. С. 167), в исследуемом регионе нами не зафиксирован. В рассказах большинства собеседников святочные проказы никак не связаны с походами ряженных.

⁴⁸ Архив экспедиции ИРЛИ на Зимний берег Белого моря в 2010 году. Записано от А. А. Пахоловой, д. Нижняя Зимняя Золотица.

⁴⁹ Подробнее см.: *Ивлева Л. М.* Ряженье в русской традиционной культуре. СПб., 1994. С. 113–114.

⁵⁰ Архив экспедиции ИРЛИ на Зимний берег Белого моря в 2010 году. Записано от М. Г. Поповой, М. А. Попова, д. Верхняя Зимняя Золотица.

⁵¹ *Бернштам Т. А.* Народная культура Поморья. С. 380–382; *Конкка А. П.* Календарные обряды карел XIX — начала XX в. С. 239.

⁵² Подробнее см.: *Дмитриева С. И.* Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. С. 26.

⁵³ *Бернштам Т. А., Лапин В. А.* Виноградье — песня и обряд. С. 239–364; *Виноградова Л. Н.* Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. С. 28–30.

половины XX века, записанные нами песни с этим куплетом относились исключительно к свадебному обряду.

В «страшные» вечера перед Крещением на Летнем и на Зимнем берегах по улицам деревень ходили «шуликуны». ⁵⁴ Повсеместно наиболее распространенной формой ряженья в «шуликунов» было накидывание на лицо материи, как правило, это называлось «маска», ⁵⁵ и выворачивание ветхих тулупов или старых шуб наизнанку. Ряженные надевали потрепанные меховые шапки, перевязанные ветхой материей в четырех местах так, чтобы торчали узлы. В отличие от «чистых» ряженных, которых пускали во все дома, «шуликунов» могли выгнать из избы, потому что они своим видом пугали маленьких детей.

И. А. Разумова и Н. В. Дранникова, изучавшие особенности восприятия «нечистой силы» в Архангельской области, отмечали противоречивость в описании их облика: «Шуликуны представлялись людьми маленького роста в металлических шапках или высокими и худыми. Впоследствии шуликунами стали называть святочных ряженных (Поморье, Мезенский и Приморский районы)». ⁵⁶

Святки завершались 19 января по новому стилю в день Крещения, когда «шуликуны» загонялись в Иордань. Как это происходило раньше, сейчас уже никто не знает, в народной памяти гораздо лучше сохранились рассказы о том, как люди «купались» в проруби и ходили за святой водой.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы не позволяют сделать глубокие выводы о различиях в святочной обрядности на Зимнем и Летнем берегах, тема нуждается в дальнейшем изучении. Следующий этап работы невозможен без привлечения этнолингвистических и этнографических данных, большего количества архивных документов, а также сбора полевых материалов с подробными вопросами о репертуаре христославов и персонажах ряженья.

Ниже приводятся тексты, зафиксированные на Летнем и Зимнем берегах Белого моря участниками экспедиций ИРЛИ 1975–2012 годов, № 1–5 представляют собой расшифровки аудиоматериалов (FA DF 894 Audio; FA DF 898-A005-001; запись Д. В. Агафоновой, А. Ю. Балакина, А. И. Васкул, Н. Г. Комелиной, Г. Н. Мехнецовой, Я. В. Нагорной и С. В. Подрезовой); № 6 публикуется по перебеленной полевой записи (ИРЛИ. Р. V. Колл. 266. П. 8. № 47. Л. 1–2; запись Н. И. Хомчук, В. В. Коргузалова, П. С. Выходцева, В. А. Смирнова).

ПРИЛОЖЕНИЕ

1

Маленький вьюнчик сел на стульчик,
В дудочку играет, Христа прославляет.
Хозяин да хозяйюшка,
С праздничком, с именинничком.

(зап. от М. П. Терещенко, д. Яреньга)

2

Славите, славите,
Вы меня не знаете.

⁵⁴ Шуликун — нечистый дух, водяной, ряженный. В поверьях Архангельской области «объединяет черты святочного ряженного, нечистого, „железнодорожного еретика“ и существа, напоминающего бабу-ягу» (Власова М. Н. Энциклопедия русских суеверий. С. 562).

⁵⁵ Сведениями об использовании на Летнем и Зимнем берегах традиционных масок, деревянных или из толстой бумаги, как на Карельском берегу, мы не располагаем.

⁵⁶ Дранникова Н. В., Разумова И. А. Локальные особенности восприятия нечистой силы (Архангельская область) // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры: Материалы междунар. науч. конф., посвященной 160-летию полного издания «Калевалы». Петрозаводск, 2010. С. 269.

Я наелся творогу,
Больше славить не могу.
Дайте мне конфетку,
Побегу я к дедку.

(зап. от А. А. Калининой, д. Яреньга)

3

Снеги на землю падали, перепадывали.
Пресвятая Божья Мария
К Богу в церковь заходила,
Богу дары приносила,
Священников искала.
Наше Рождество, Святое Рождество.
Прикатилось оно
К господину под окно.
Господин, вставай,
Госпожу поднимай
И мне подавай
Пирог да шаньгу,
Козульку, маслица чечульку.
Хозяин с хозяйшкой,
С праздничком, с Рождеством Христовым.

(зап. от А. И. Серухиной, д. Яреньга)

4

Снежки на землю падали, перепадывали,
Сам Иисус Христос,
Пресвятая Мать Мария
По Божиим церквям ходила,
Свечи, ладаны сбирала,
Проповедничкам сказала:
— Проповеднички, проповедуйте,
Что про книгу, про письмо,
Про Христово Рождество.
А Христово Рождество всему миру празднество.
С праздником, с Рождеством Христовым!

(зап. от М. Г. Поповой, д. Зимняя Золотица)

5

Снежки падали, падали,
Перепадывали.
Там Иисус Христос и Свята Мати Мария
По божницам там ходила.
Свечи-ладаны сбирала,
Попроведничкам сказала.
Попроведнички, вы уж сбегайте, проповедайте
Как про книжку, про письмо,
Про Христово Рождество.
Покатилось Рождество
К господину под окно.
Ты вставай, господин,
Да буди госпожу.
Все кровати сукецовой,
За подушки, за пуховой.

Колобок да калачок,
Ты катись ко мне в мешок.

(зап. от Ф. Ф. Бурковой, д. Майда)

6

Заходила да заходила мла...
Ой, да младая панья
По своим же да по своим же да ной...
Ой, по новым сеням
По частым-мелким, по частым-мелким пе...
Ой, по переходам.
До окошечка, до окошечка,
Ой, пания ли доходила
До косишшата, до косишшата,
Ой пания ли доступала.
Из окошечка, из окошечка,
Ой, пания ли да смотрела,
Из косишшата, из косишшата
Ой, пания ли да глядела:
Вот там из поля, вот там из поля бы...
Ой, да было в поли
С широкого, из широкого из...
Ой да, из роздолья
Там едут (ы), вот там едут князи,
Ой, князи ли да бояра.
Все купцы-гости, все купцы-то гости,
Ой, гости ли да торговли
(Уж) вы видали ли вы видали ли мла...
Ой, да младого пана?
Моего же да моего же да пре...
Ой, да прежнего мужа
Как один-от князь, как один-от князь слой...
Ой, да слово молвит:
— Мы видом пана, мы видом пана
Ой да, не видали.
Как второй-от князь, как второй-от князь слой...
Ой да, слово молвит:
— Мы слыхом пана, мы слыхом пана
Ой, да не слышали.
Как третьей-от князь, как третьей-от князь слой...
Ой да, слово молвит:
— Уж мы видели, уж мы видели мла...
Ой, да младого пана.
Моего же да, моего же да пре...
Ой, да прежнего мужа.
Его добрый конь, его добрый конь пой...
Ой, да в поле рышшот
Копытом землю, копытом землю вый...
Ой, да вырывает.

(зап. от А. С. Федотовой, Д. П. Павловской,
Е. З. Ярыгиной, М. К. Корельской,
З. П. Петровой, В. Н. Петровой, <К. И. Петровой>,
К. С. Пирожниковой, Т. А. Павловской,
<О. К. Павловской>, М. И. Майзеровой,
д. Лопшеньга)